

Красавица сама бросилась в объятия — как можно упустить такую возможность? Её руки тут же обняли его за талию, не давая ускользнуть.

Услышав слова, донесшиеся сверху, Юэ Хуань мгновенно понял всю неуместность своего поведения. Его личико вмиг покраснело, он попытался вырваться из её объятий, но обнаружил, что сбежать от этой хватки совершенно невозможно.

— Сяо-ван... — растерянно и испуганно позвал он тихонько, сдерживая всхлипывание, а пальцы, вцепившиеся в край её одежды, слегка подрагивали.

С того самого момента, как он встретил Сяо-ван, он чувствовал, что с ним творится что-то неладное: он словно перестал быть самим собой.

Когда он ходил во дворец приветствовать императорскую супругу или случайно сталкивался с второй и восьмой императорскими дочерьми, он никогда не испытывал подобного смущения и страха.

Он помнил, как три года назад избил восьмую императорскую дочь до полусмерти, но после этого держался совершенно невозмутимо и вел себя непринужденно.

Почему же перед Сяо-ван он...

Сейчас ему хотелось лишь одного — вернуться в поместье, чтобы хорошенько успокоиться.

— Умница, дай мне обнять тебя еще немного. Скоро я отправлю тебя домой, у меня просто возникло срочное дело, которое нужно решить. Завтра я снова возьму тебя погулять, хорошо?
— Фэн Юньинь видела, что в сложившихся обстоятельствах он, пожалуй, вовсе не настроен на прогулки, поэтому придумала предлог, чтобы сначала отправить его обратно.

— Мм.

Малыш тихонько отозвался, позволив ей молча прижимать его к себе. Постепенно его стало клонить в сон, и он сам не заметил, как заснул.

Вслушиваясь в его привычное ровное дыхание, Фэн Юньинь погладила его по голове, уголки ее губ тронула едва заметная улыбка. Бережно подняв его на руки, она покинула Беспечную беседуку.

Хотя банкет в поместье семьи Юэ еще не закончился, а среди гостей было немало мастеров, для нее все эти преграды существовали лишь на бумаге. Она с легкостью добралась до павильона Молань, уложила малыша на кровать, укрыла одеялом и еще раз коснулась его щеки.

Выспишься — и настроение сразу улучшится.

— Позаботьтесь о главном супруге. В ближайшее время в императорской столице будет неспокойно, так что смотрите мне, без глупостей, — холодно бросила она, поднявшись и направляясь к выходу. На ее лице не осталось и следа улыбки — лишь холод и безразличие.

В воздухе ей никто не ответил, но легкая рябь духовной энергии красноречиво говорила сама за себя.

Она обернулась, бросила долгий взгляд на закрытую дверь и лишь после этого направилась в императорский дворец.

Раз уж сына увела Сяо-ван, а сам он появиться не мог, Луо Ланьмо, будучи равным супругом, просто обязан был явиться, чтобы сгладить ситуацию и прикрыть любимого чадо.

Все прекрасно понимали, какие скрытые интересы стояли за этой церемонией совершеннолетия, — разве можно было упустить такую выгоду? Даже если не планируешь вмешиваться, просто поглазеть на представление тоже неплохо.

Во Дворце Чистого Сияния находились все трое — отец и сыновья, — но в огромном зале стояла зловещая тишина. Не было видно ни единого слуги, даже Ю Жюань — и того отправили сторожить внешний павильон.

Цзи Ругэ облачился в темно-синие придворные одежды; с абсолютно бесстрастным выражением лица он лениво полулежал на кушетке наложницы, то и дело бросая взгляды в сторону занавески на дверном проеме. В руке он вертел персиковую заколку: стоило ему взглянуть на нее, как он ломал ее пополам, тут же восстанавливал — и цикл повторялся вновь и вновь.

Цинь Цзюэ, сидевший чуть ниже, прижимал к себе младшего брата, не смея даже громко вздохнуть. Они сидели тихо, изредка доставая со стола сладости, чтобы покормить сидевшего на коленях малыша.

А малыш в свою очередь брал эту сладость и скармливал ее маленькому котенку, устроившемуся у него на руках, попутно наблюдая, как папа в очередной раз ломает заколку.

— Старший брат, это папа уже сто шестьдесят третий раз ломает заколку. Какая жалость! — мысленно передал слова брату малыш, мысленно тяжело вздохнув и на секунду посочувствовав бедной заколке.

Надо же было ей иметь такое несчастье — приглянуться папе, да еще и оказаться подарком от того самого человека.

— Будем надеяться, старшая сестра вернется поскорее, — Цинь Цзюэ лишь беспомощно вздохнул в ответ на слова брата. Кроме старшей сестры, никто из них двоих не осмелился бы сейчас лезть с уговорами.

Лань Цзяо, свернувшись клубочком на руках у малыша, совершенно не обращала внимания на царившую в зале тишину. Зевнув, она продолжила набираться сил.

Мм, совсем скоро можно будет посмотреть забавное представление хозяйки, так что ей нужно хорошенько выспаться.

Раз уж предстоят такие зрелища, с чего бы ей заранее предупреждать хозяйку и торопить ее с возвращением?

Тем временем Фэн Юньинь сначала заглянула в собственное поместье Сяо-ван.

В кабинет. Фэн Юньинь сидела на главном месте, молча глядя на стоявшую на коленях внизу девушку в белом. Она ничего не говорила, а подушечкой пальца водила туда-сюда по краю чайной чашки, будто о чем-то размышляя.

— Ступай, пока не расследуй это, сначала разберись с делами в столице.

Её тон был холодным и отстраненным, лишённым всяких эмоций. Она взмахом руки велела ей уйти.

— Слушаюсь, хозяйка.

Девушка поднялась, развернулась и вышла из кабинета. Шаги её были легки, а фигура — изящна.

Фэн Юньинь не испытывала ни малейшей симпатии к женщинам этого мира. Она любила красивых людей — неважно, мужчин или женщин, — смотреть на них было приятно, и это помогало ей подавлять кровожадность в глубине души.

Поэтому все её подчиненные были красавцами и красавицами: вне зависимости от пола, минимальным требованием были правильные и миловидные черты лица.

В конце концов, она всё же ступила на этот путь. Что ж, в будущем пусть потом не говорят, что ей не дали шанса.

Самонадеянные женщины.

— Фэн У.

Подперев голову рукой и прикрыв глаза, чтобы немного отдохнуть, она слегка приоткрыла алые губы и назвала имя.

Едва слова затихли, из ниоткуда появилась девушка. Лицо её было скрыто под легкой вуалью, на нее смотрели чарующие персиковые глаза, три тысячи прядей черных волос были перевязаны лентой в тон, фигура была высокой, а открытая кожа — белоснежной.

Она тоже была одета в белое, но на ее манжетах белыми нитками был вышит цветок луноцвета, который при беглом взгляде казался незаметным.

Луноцвет — любимый цветок Цин Цзюэ.

— Ученица приветствует Учителя.

Опустившись на одно колено, она поклонилась женщине на возвышении. Голос ее звучал холодно, а от всего облика веяло безразличием и отчужденностью.

— Ты действительно хочешь остаться в столице?

Это был не вопрос, а утверждение.

Глядя на стоявшую внизу ученицу, Фэн Юньинь прищурила глубокие глаза, в которых мелькнул странный огонек, а голос остался ровным.

Эту закрытую ученицу она когда-то взяла по сиюминутному капризу. Мхм, за столько лет та переняла ее манеру поведения точь-в-точь и порой, когда сама Фэн Юньинь уходила в затворничество, заменяла ее в делах и распределении заданий.

— Да, ученица готова понести наказание, прошу Учителя исполнить мою волю, — без колебаний ответила Фэн У. Тон ее звучал твердо: что бы ни случилось, она останется.

В этот раз, когда Учительница вернулась, задуманное ею наверняка потрясет столицу и вызовет там полный хаос. Хотя вокруг него будет крутиться множество сильных защитников, да и сам он силен не слабее других.

Но она боялась. Вдруг случится непредвиденное? Даже загнанная в угол крольчиха начинает кусаться.

— Раз твое решение непоколебимо, даю тебе пять дней, чтобы разобраться с текущими делами, а затем возвращайся в столицу. Когда всё закончится, отправляйся в Долину Душ и проводи там полгода.

Даже если бы она не разрешила, с характером Фэн У та наверняка нарушила бы правила и действовала тайком. Так не проще ли согласиться сразу, избежав лишних хлопот? Впрочем, наказания все равно не миновать.

— Благодарю Учителя за милосердие. — Получив разрешение, Фэн У в душе сильно обрадовалась, но при словах о полугодии в Долине Душ ее тело слегка задрожало. Однако она тут же взяла себя в руки и без малейших сомнений ответила:

— Слушаюсь.

Долина Душ была местом, которое Учительница создала для наказания предателей и зачинщиков смут.

Там плоть отделяли от духовного тела и бросали в самую долину. Вынести то, что находилось внутри, не удавалось и четверти часа, не то что полгода — люди сами послушно и активно молили о пощаде.

В конце концов, страдания физического тела и истязания в глубине души — это совершенно разные вещи.

Взрыв души? Полное уничтожение и развеивание пеплом?

Всё это были лишь несбыточные мечты.

Тогда она своими глазами видела весь ужас терзаний Пожирателями Душ — зрелище было поистине невыносимым.

Эту тварь, казалось, сама Учительница вырастила и приручила, и та беспрекословно подчинялась ее приказам.

Но даже несмотря на это, она должна была идти.

Не защитив его лично, она не могла успокоиться.

— Иди. — Фэн Юньинь взмахом руки велела ей удалиться и снова закрыла глаза, погружаясь в дремоту.

Фэн У отозвалась, поднялась и тихонько вышла.

В тот самый миг, когда она скрылась, сидевшая на главном месте женщина открыла глаза, посмотрела на дверь и презрительно скривилась.

Хватит смелости — так иди добивайся, а страдать втихую за спиной — какая же бездарность!

<http://bllate.org/book/22449/2359599>